

МОСКОВСКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА — история и современность (прошлое, настоящее, будущее) Вместо послесловия

Москва стала ведущим центром психологической мысли еще в середине XIX века, с того времени, когда в России начала формироваться психологическая наука. Перефразируя слова одного из основателей отечественной психологии П.Д. Юркевича, отождествлявшего душу с сердцем, можно сказать, что сердцем психологии и ее душой стала Москва.

На судьбу российской психологической науки повлияло несколько фактов — это и социальная ситуация, приведшая к закрытию кафедры философии Московского университета, к идеологизации науки, и логика развития самой психологии, поставившая новые методологические проблемы, и личностные особенно-

сти ученых, их высокая нравственность и творческая активность.

На рубеже XIX—XX веков основные достижения молодой психологической науки были связаны с Московским университетом, в стенах которого начали постепенно вырисовываться контуры нового научного направления. В этой школе, ее поисках и достижениях, в тех, иногда противоречивых теориях, которые разрабатывались ее представителями, отразились и веяния времени, и особенности российской, московской культуры.

Собранные Н.И. Надеждиным этнографические материалы послужили отправной точкой для первых работ К.Д. Кавелина, который

именно в Московском университете начал свои исследования, посвященные психологии права и этнопсихологии. Идеи, заложенные в трудах по истории С.М. Соловьева и Т.Н. Грановского, позволили на рубеже XIX—XX веков разработать уникальное направление культурно-исторической психологии, одним из родоначальников которого, наряду с А.А. Потебней, стал сын С.М. Соловьева — В.С. Соловьев, в теории которого культура становилась важнейшей образующей духовности, личности.

Собравшийся в конце XIX века в Париже I Международный психологический конгресс, единодушно избрал своими почетными представителями трех профессоров Московского университета: И.М. Сеченова, М.М. Троицкого и Н.Я. Грота. Так, уже в период формирования международного сообщества психологов, представители русской науки воспринимались как те, кому по достоинству принадлежит лидирующая роль в разработке новой области знаний.

И.М. Сеченов, который по праву был одним из лидеров московского научного сообщества, после окончания Московского университета ряд лет профессорствовал в Петербурге и Одессе, но с особой радостью он возвратился в родную Москву, где последние 16 лет прожил на Пречистинке, в Полуэктовом переулке. Вот что он писал известной общественной деятельнице Н.В. Стасовой вскоре после своего переезда: «Что касается до моего житья-бытья в Москве, то я чувствую себя здесь счастливее и лучше, чем где бы то ни было. Дело в том, что я всегда любил Москву и Московский университет, а к этому прибавилось сверх того сознание, что здесь я приношу пользы вдесятеро больше, чем в Петербурге». Идеи Сеченова получили широкий резонанс в различных сферах культуры — медицине, педагогике, этнографии, театральном деле. Великий москвич А.Н. Островский разработал настоящий план того, как обучать актеров по Сеченову. Под знаком сеченовских представлений в Москве возникла первая лаборатория экспериментальной психологии, руководимая А.А. Токарским.

Полученные в лаборатории результаты применялись к решению медицинских вопросов. Сеченовские идеи уже в советское время восприняли многие выдающиеся психологи Москвы: Л.С. Выготский, Б.М. Теплов, С.Л. Рубинштейн и другие.

Сила науки проявляется не только в точности добываемой ею информации, но и в ее способности успешно работать за пределами лабораторий, кафедр и кабинетов, помогая практикам решать их проблемы. Это наглядно проявляется в традициях московской психологической школы, которая никогда не замыкалась в рамках кафедр, но старалась участвовать в общественной жизни, отвечая на вызовы современности. Творчество ученых того времени было неотделимо от жизни нашего города. Московские психологи были твердо убеждены в том, что их идеи могут реально влиять на умы самого широкого круга специалистов, на эффективность практических решений. Они активно включались в решение острых проблем своего времени и становились неформальными участниками культурной жизни Москвы.

По инициативе М.М. Троицкого при университете было учреждено Психологическое общество. Его деятельность на протяжении десятилетий привлекала к обсуждению проблем психологии и смежных с ней наук широкие круги московской интеллигенции. Но еще более глубокое влияние на духовную жизнь всего русского общества оказал созданный по инициативе Н.Я. Грота при Московском психологическом обществе журнал «Вопросы философии и психологии». С ним сотрудничали не только многие ведущие ученые в области философии и психологии, но и писатели (в частности, Л.Н. Толстой), литературные критики, врачи, публицисты. Благодаря журналу, мыслящая Россия из первых рук получала информацию о новейших направлениях в трактовке коренных вопросов организации душевной жизни личности, об острой борьбе мировоззрений в стране и мире, о жгучих социальных вопросах, возникавших на рубеже века.

Плодотворная работа в Московском психологическом обществе ученых, придерживавшихся разных взглядов и разной научной методологии: И.М. Сеченова, М.М. Троицкого, А.А. Токарского, Н.Я. Грота, Л.М. Лопатина и многих других, доказывает уникальность Московской психологической школы, которая еще в начале XX века гармонично сочетала в своих поисках закономерностей психической жизни естественнонаучные и гуманитарные подходы.

Стремление ученых и художников к духовному развитию и преобразованию России поддерживались представителями самых различных слоев населения. Отметим выдающийся вклад московского купечества в создание условий для превращения города в крупнейший в стране исследовательский центр. Многие купцы и промышленники участвовали в этом совершенно бескорыстно, воодушевленные надеждой на будущее России как великой научной державы.

Так, издание журнала «Вопросы философии и психологии» стало возможным благодаря финансовой поддержке московского купца А.А. Абрикосова, передавшего журнал в собственность Психологического общества. На средства замечательного человека, московского мецената Х.С. Леденцова была организована одна из знаменитых лабораторий по изучению условных рефлексов И.П. Павлова.

Первый в России Институт экспериментальной психологии появился на свет благодаря щедрости другого знаменитого мецената — С.И. Щукина, предоставившего крупные суммы на создание института Г.И. Челпанову, инициативе и научному энтузиазму которого Россия обязана организацией на базе этого института крупнейшей в мире исследовательской и образовательной научной школы. Благодаря Челпанову и Щукину институт стал одним из лучших в Европе и в мире и по оснащенности оборудованием, и по количеству лабораторных исследований, и применявшимся технологиям. Известнейшие психологи из раз-

личных стран, посетившие институт, выражали восхищение по поводу его обустройства.

Челпанов, отчетливо понимая неизбежность реконструкции основных методологических положений психологии, придерживался убеждения в возможности сохранения ее единства. Недаром, при открытии института, он выступил с речью, в которой подчеркивал, что свою главную цель он видит в объединении всех психологических исследований под одной крышей для того, чтобы сохранить единство психологии.

Наряду с Московским университетом и Психологическим обществом, Институт Экспериментальной психологии постепенно стал одним из ведущих научных центров, а в течение длительного промежутка времени (с начала 1920-х до середины 1960-х годов) — единственной цитаделью психологического знания не только в Москве, но и в России.

Развивая традиции своего учителя Н.Я. Грота, Г.И. Челпанов продолжил становление Московской психологической школы, став не только ее лидером, но и учителем для своих сотрудников, сформировав научное самосознание своих будущих коллег, заражая их своим отношением к психологии. Так создавался коллектив новой школы. Такая школа оканчивает свое существование только в том случае, когда распадаются эмоциональные связи между учителем и учениками-сотрудниками. В то же время сохранение атмосферы научного поиска и духа корпоративности, присущего такой школе, может сохраниться и после смерти ее лидера, как это и случилось с направлением, заложенным Гротом и продолженным Челпановым, а потом и другими лидерами Московской психологической школы — Л.С. Выготским, А.А. Смирновым, А.Н. Леонтьевым и другими выдающимися учеными.

Можно считать, что челпановскую школу прошло более 150 человек. Многие из них стали впоследствии высококвалифицированными профессиональными психологами. Они не просто учились у Г.И. Челпанова экспери-

ментальной технике исследований со всеми ее сложными методическими тонкостями. Важным фактором для них была та нравственная атмосфера, которую культивировал учитель, ориентация на непредвзятый тщательный анализ различных, порой отвергающих теоретические позиции друг друга, концепций, которыми была полна психологическая наука.

Большое значение Челпанов придавал подбору кадров, стремясь собрать в институте молодых и талантливых ученых. Именно он пригласил в Психологический институт К.Н. Корнилова, П.П. Блонского, Г.Г. Шпета, Н.А. Рыбникова, В.М. Экземплярского, Б.Н. Северного и других известных впоследствии психологов. Уже после революции он приглашает А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурию и А.А. Смирнова. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что именно Челпанов вырастил целую плеяду молодых ученых, из рядов которой вышли психологи, составившие славу нашей науки в последующие десятилетия.

Сохранение единства психологии Г.И. Челпанов обозначил как главную задачу созданного им Института. Наряду с философским осмыслением проблем психологии он привнес в российскую науку классический для того времени экспериментальный подход к изучению психики и сознания. Это определило самую широкую проблематику развернувшихся исследований, начиная с экспериментального изучения ощущений, восприятия, времени реакций, внимания, памяти, волевых актов, мышления, эмоций, психики животных, а также роли упражнения и научения в развитии ряда психических функций и кончая обсуждением на семинарах фундаментальных философских проблем о природе психики, её отношении к объективному миру и работе мозга.

Принципиальное значение Г.И. Челпанов придавал экспериментальным методам психологии, предостерегая от увлечения методами самонаблюдения. Это привело его к мысли о необходимости социальной психологии, о связи личности с социальным окружением и

культурой, об активности сознания. Г.И. Челпанов отчётливо понимал, как важно закладывать в основание Института структуру, которая может выдержать испытание временем и сохранить психологию как единую науку. Не случайно отличительной особенностью Института во все времена было объединение общей и прикладной психологии. Это позволяло поддерживать высокий теоретический уровень, сформировать востребованность научных знаний, давало возможность устоять перед общественными катаклизмами и многочисленными политическими экспериментами.

Поразительный факт научной биографии Московской психологической школы состоит в том, что при всех перипетиях исторической обстановки в стране, сложностях идеологической борьбы, при неоднократной смене руководства и ведомств, к которым принадлежал Институт, ему удалось сохранить эту уникальную широту тематики своих исследований, линию на собиранье воедино всего, что относится к изучению психики, к её развитию, её проявлениям в поведении и деятельности человека. Не было ни одной сколько-нибудь крупной проблемы в области общей, возрастной, педагогической и прикладной психологии, которая так или иначе не разрабатывалась бы в Институте, и изучение которой не приводило бы к получению значимых для науки и практики результатов. Вместе с тем отличительной чертой всей исследовательской работы, проводившейся «под общей кровлей» Психологического института, было взаимопроникновение разных теоретических и методологических подходов, поиск и нахождение точек их содержательного пересечения. Это вело к выработке многомерного системного взгляда на психику, поведение, деятельность и их развитие.

Идеология новой, послереволюционной эпохи и кризисная ситуация в самой психологической науке требовали коренной перестройки прежних представлений. Стали создаваться школы, отличные от челпановской. Их принято называть именами научных лидеров:

К.Н. Корнилова, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова, Л.В. Занкова, Н.А. Менчинской, Д.Б. Эльконина, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова и других.

В соответствии с требованиями времени Психологический институт неоднократно изменял программу своей деятельности. Проблемы, созвучные общему направлению методологического развития всей мировой психологической психологии в первой половине XX века, существенно повлияли на характер исследований Московской психологической школы. В парадигме развития стали изучаться многие проблемы общей психологии – восприятие, память, мышление и, особенно, деятельность. Поэтому важное место в работе института стали занимать исследования по детской и педагогической психологии, по диагностике умственных способностей и анализу путей развития ребенка в зависимости от факторов культуры. Еще одна уникальная черта московской психологической школы – изучение роли различных стимулов-средств (знаков) в развитии психики, формировании произвольности поведения, процессов познания.

Новый период в развитии Московской психологической школы связан уже с послевоенным временем, когда директором Психологического института стал А.А. Смирнов. В это время, благодаря усилиям Смирнова, возрождается дух корпоративного творчества, научного поиска, присущий институту в первоначальный этап его существования. Об этих принципах он знал не понаслышке, так как сам прошел, хотя и недолго, школу Челпанова. Можно утверждать, что именно благодаря Смирнову и его ближайшим коллегам (прежде всего, Теплову), в институте, несмотря на все сложности, сохранилась особая атмосфера эмоциональной сплоченности, идеальная представленность психологического сообщества, к которой стремились его основатели.

Важным условием плодотворной деятельности института в этот период был и тот факт,

что Смирнов всячески сохранял и развивал общепсихологическую, методологическую проблематику в деятельности института, что было особенно важно после периода доминирования чисто прикладных аспектов в его деятельности. Смирнов, понимая важность педологии, а затем возрастной и педагогической психологии, способствовал привлечению в институт ученых, возобновивших методологию и проблематику школы Выготского (Божович, Эльконина, Запорожца, Лисину), однако он осознавал, что для развития института как научного центра необходима общепсихологическая теория и практика. Возможно, это и было одной из основных причин его обращения к методологии и истории психологии.

Не менее важной была и нацеленность на создание нового поколения исследователей, привлечение в институт молодых ученых, студентов и аспирантов, благодаря чему Смирнову удалось создать условия, которые способствовали притоку в институт новых кадров. Таким образом, можно без преувеличения сказать, что, если первое поколение исследователей было выпестовано Челпановым, то следующее – не менее целенаправленно и заботливо – Смирновым.

Важными событиями научной жизни Москвы, способствовавшими подъему уровня подготовки кадров по психологии и существенному расширению исследовательской работы, стали создание в МГУ им. М.В. Ломоносова специального факультета психологии и Института психологии в системе Российской академии наук. Закономерным результатом новой социальной ситуации развития науки стало появление в русле московской школы новых исследовательских программ – Смирнова, Теплова, Небылицына, Леонтьева, Лурии, Гальперина, Давыдова, каждый из которых повлиял на формирование и методологии, и проблематики психологии.

Судьба московской психологической школы доказывает, что те ученые, которые прошли эту школу, сохраняют на всю жизнь многие ее уста-

новки и подходы к исследовательской работе. Это — разработка системного подхода к исследованию психики, ориентация на объективные методы исследования психики, сочетающиеся с самоотчетами и интроспективными материалами, сравнительный анализ биологической и социальной составляющих процесса становления психики, введение общепсихологических проблем в парадигму развития, междисциплинарный подход к исследованию проблем социальной практики. Именно эти традиции позволили органично прийти к межпредметным связям, формированию психофизиологии, психогенетики, возрождению практической психологии образования.

Хотя сложная социально-политическая ситуация не могла не сказаться и на деятельности института, она никогда прямо не отражалась на его работе, во многом благодаря как уровню исследований, которые оказывались нужны обществу на любом этапе его развития. По книгам и учебникам, подготовленным московскими психологами, учится вся страна. Очаги психологических исследований возникают и во многих других городах, в институтах, академиях, клини-

ках, на производстве, в военных ведомствах, в центрах искусства и культуры.

Завершена глава о выдающихся психологах Москвы и о Москве, в которой они жили и творили. Вписана еще одна замечательная страница в славную биографию нашего города. Судьбы московских психологов органично вплетены в систему кровеносных сосудов, поддерживающих пульс современной научной и культурной жизни отечественного и мирового сообщества. Бескорыстное служение московских психологов истине, вера в творчество научных идеалов, исключительная значимость создаваемых теорий и глубина разрабатываемых идей стали неиссякаемым источником и душой самого этого сообщества. Обращаясь к бесценным трудам и судьбам, мы становимся членами этого сообщества, частью его жизни. В традициях отечественной науки, в ее историческом опыте — потенциал и будущее психологии.

проф. В.В. Рубцов
проф. М.Г. Ярошевский
проф. Т.Д. Марцинковская